

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11942

EDN: CRGBLU

Древнерусские и народно-поэтические источники заметки «У России нет прошедшего...» М. Ю. Лермонтова

И. А. Киселева^{1✉}, К. А. Поташова²

^{1,2} *Московский государственный областной педагогический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

¹ e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru ✉

² e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования является историософия М. Ю. Лермонтова, выраженная поэтом в заметке «У России нет прошедшего...» из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским». Образная система, стиль и само содержание заметки сложились под непосредственным влиянием древнерусских текстов, литературных обработок фольклора, опыта личных встреч поэта с представителями народной культуры. Лермонтовский набросок предложено рассматривать как аллегорическую фигуру, в которой Российская империя уподобляется могучему богатырю. В одном кратком изложении сюжета поэт отражает свое понимание исторического пути державы. В качестве возможных источников заметки в статье названы популярные на рубеже XVIII–XIX вв. богатырские сказки в литературной обработке В. Левшина, а также кавказский вариант сказки о Еруслане Лазаревиче, бытовавший в среде терского казачества. Проведены параллели между наброском Лермонтова и циклом исторических песен о взятии Казани, использующих для раскрытия темы аналогичные аллегории, а также повестью «Казанская история» (1564–1566), обращения к которой обусловлены геополитическим значением самого исторического события для развития всего древнерусского государства и, в частности, укрепления его восточных рубежей. Лермонтовская концепция истории опирается и на личное восприятие поэтом исторического времени, и на литературную, собственно древнерусскую традицию, отраженную как в памятниках древней литературы, так и в фольклоре, имеющем исторические источники. Апелляция Лермонтова к известному в народной традиции сюжету, к поэтике богатырской сказки способствовала поэтизации и героизации русской истории и определялась внутренней потребностью поэта найти в народном сознании опору своего видения российской государственности. Объяснение настоящего и будущего России поэт видел в истории своего государства, запечатленной в русском героическом эпосе и в его художественных интерпретациях у своих старших современников.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, заметка, У России нет прошедшего, государственность, восточный текст, Кавказ, история, фольклорные мотивы, древнерусская литература, генезис

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-00025 «Россия и Кавказ в художественной историософии М. Ю. Лермонтова».

Для цитирования: Киселева И. А., Поташова К. А. Древнерусские и народно-поэтические источники заметки «У России нет прошедшего...» М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 35–55. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11942. EDN: CRGBLU

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.11942

EDN: CRGBLU

The Old Russian Literary and Folk-Poetic Genesis of the Note “Russia Has No Past...” in the Context of Mikhail Lermontov’s Historiosophy

Irina A. Kiseleva ¹✉, Ksenia A. Potashova ²

^{1,2} *Moscow Region State Pedagogical University
(Moscow, Russian Federation)*

¹ e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru ✉

² e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is Lermontov’s historiosophy, expressed by the poet in the note “Russia has no past...” from the “Notebook presented by V. F. Odoevsky.” The article’s purpose is to identify the ancient Russian and folk-poetic genesis of Lermontov’s note, contributing to the clarification of its semantic content. The figurative system, style and the very substantive essence of the note “Russia has no past...” was formed under the direct influence of ancient Russian texts, adaptations of literary folklore, and the experience of the poet’s personal meeting with representatives of folk culture. The authors propose to consider Lermontov’s sketch an allegorical figure, where the Russian Empire is likened to a mighty hero. In a brief summary of the plot, the poet reflects his understanding of the entire essence of the country’s historical path. As possible sources of the note, the article names the heroic tales in V. Levshin’s literary adaptation, which were popular at the turn of the 19th century, as well as the Caucasian version of the tale about Yeruslan Lazarevich, which existed among the Terek Cossacks. Analogies are drawn between Lermontov’s sketch and the cycle of historical songs about the capture of Kazan, using similar allegories to reveal the theme, as well as the “Kazan History” short novel, the appeals to which are linked to the geopolitical significance of the historical event for the development of the entire old Russian state and, in particular, for

the strengthening of its eastern borders. Lermontov's concept of history is based on his personal perception of historical time, and on the literary, specifically, old Russian, tradition, which is reflected both in the ancient literary monuments and in folklore, which has historical sources. In the note Lermontov looks at the world through the eyes of the people, and is the exponent of the national idea about the spiritual choice of the Russian state.

Keywords: M. Yu. Lermontov, note, Russia Has No Past, Russian statehood, oriental text, Caucasus, history, folklore motifs, ancient Russian literature, genesis

Acknowledgments. The reported study was funded by RSF, project number 22-28-00025.

For citation: Kiseleva I. A., Potashova K. A. The Old Russian Literary and Folk-Poetic Genesis of the Note "Russia Has No Past..." in the Context of Mikhail Lermontov's Historiosophy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 35–55. DOI: 10.15393/j9.art.2023.11942. EDN: CRGBLU (In Russ.)

Древнерусские и фольклорные мотивы отчетливо звучат в произведениях М. Ю. Лермонтова, связанных с его размышлениями о русской истории: в поэмах «Последний сын вольности», «Боярин Орша», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и др., в его героической лирике («Два великана», «Бородино» и др.). Однако, несмотря на то что лермонтоведение является областью достаточно изученной, древнерусские и народно-поэтические корни его творчества в соотношении с историко-софскими взглядами поэта серьезному исследованию практически не подвергались, хотя уже Н. М. Мендельсон замечал, что именно тогда, когда «Лермонтовъ серьезно задумался надъ вопросами о правахъ челоѳчества и народности, о судьбахъ европейскаго запада и Россіи», особенно развился его «интересъ къ прошлому родины, къ народной поэзіи, съ юныхъ лѣтъ жившій въ душѣ поэта» [Мендельсон: 176]. Исследователи не раз отмечали, что мастерство Лермонтова состоит «в воссоздании быта и колорита эпохи» [Штокмар: 273] и, безусловно, опиралось на знание древней традиции, следование «русским народным песням» [Владимиров: 214]; поэт удосужился получить похвалы даже от такого своего строгого критика, как С. П. Шевырев, который говорил по поводу «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», что «это созданіе въ духѣ

и стилъ нашихъ древнихъ эпическихъ пѣсень»¹. Древнерусский и народный дискурс присутствует как в стиле и образной системе лермонтовских текстов, начиная с юношеских размышлений и заканчивая реалистическими текстами, написанными незадолго до смерти и связанными с Кавказской войной, в которой поэт принимал непосредственное участие, так и на уровне выражения идеи. Нельзя не согласиться с замечанием Б. М. Эйхенбаума о том, что «с 1837 г. фольклор прочно входит в поэтическую работу Лермонтова — не в качестве особой языковой стилизации, а в качестве тематических и сюжетных способов выражения мысли» [Эйхенбаум: 45]. Древнерусский элемент в его историософском измерении определил и сюжет, и образную систему заметки Лермонтова «У России нет прошедшего...» из «Записной книжки, подаренной В. Ф. Одоевским»², где на л. 7 присутствует помета «Востокъ» — своего рода рамочный компонент указанной тетради, позволяющий рассматривать заметку в контексте лермонтовского кавказского текста; практически всегда, как отмечал К. М. Азадовский, «восточная тема выступает у Лермонтова как тема кавказская», а лермонтовское «восприятие Кавказа» представлено «в плане национальной героики» [Азадовский: 236].

Характеризуя «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», показательную для усвоения поэтом русской народной культуры, В. Г. Белинский писал, что «здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства...» [Белинский: 504]. Однозначно принимая высокую

¹ Шевырев С. <Рецензия на> Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1840 // Москвитянин. М., 1841. Ч. II. № 4. Критика. С. 528.

² Записная книжка, подаренная В. Ф. Одоевским. 1841 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 429. № 12. 27 л. Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках.

оценку художественных достоинств поэмы, нельзя полностью согласиться с тезисом о неприятии поэтом современности («не удовлетворяющей его русской жизни»), хотя и очевидно, что для человека христианской культуры любая действительность в рамках земного мира не может полностью быть соизмерима с идеалом, и с тем, что момент неудовлетворенности своим поколением лейтмотивом проходит во всем его творчестве, однако это не исключает и его веры в историческую мощь Российского государства в его «настоящем и будущем». Употребление Белинским слова «прошедшее» (а, например, не слова «прошлое») является косвенным доказательством связи в сознании критика «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и заметки Лермонтова «У России нет прошедшего...», опубликованной в «Отечественных записках»³ за 1844 г. Нами уже были приведены аргументы о важности употребления Лермонтовым субстантивированного прилагательного *прошедшее*, подчеркивающего «живую жизнь российской истории (истории как прошлого) "в настоящем и будущем"» [Киселева, Поташова, 2022b: 273]. Если для Белинского изображение Лермонтовым истории есть изображение прошедшего, то для Лермонтова прошедшего нет («У России нет прошедшего...»): то, что он изображает, есть настоящее для его личностного самосознания, именно потому поэт и слышит «биение» «пульса» исторического прошлого.

Особая образная система и особый народный стиль характерны не только для эпической «Песни про царя Ивана Васильевича...», но и для небольшой лермонтовской заметки, которую можно считать наброском к масштабному произведению, а можно рассматривать как развернутую афористическую формулу, емко отражающую видение поэтом особенности государственного феномена России:

«У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ. Сказывается сказка: Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крепко⁴ но на 21 году проснулся отъ тяжелаго сна. и всталъ и пошелъ и встрѣтилъ онъ тридцать семь

³ Лермонтов М. Ю. «У России нет прошедшего...» // Отечественные записки. 1844. Т. XXXII. № 1. Отд. I. Словесность. С. 201 (сноска).

⁴ Так в рукописи.

Королей и 70 богатырей и побилъ ихъ и сълъ надъ ними царствовать» (л. 7 об.).

Заметка представляет собой аллегорическую фигуру, в которой Российская империя уподобляется могучему богатырю и всего в одном кратком изложении сюжета отражает всю суть исторического пути державы.

К моменту возникновения у Лермонтова настоящего замысла только начиналось постепенное открытие былины как жанра фольклора, в каноничном виде было опубликовано несколько былинных сюжетов в собрании «Древнероссийских стихотворений Кирши Данилова». Основной же состав былинных сюжетов станет известен во 2 половине XIX в. как результат профессиональной собирательской деятельности фольклористов в северных губерниях России. Былинные сюжеты в 1830-х — начале 1840-х гг. были известны по жанровым трансформациям: былевой прозе, пересказам, литературным обработкам, — что и обуславливает прозаическую форму лермонтовского наброска, своего рода наметку богатырской сказки. Лермонтов заимствует из народной традиции и систему образов, в которой особое место отведено главному герою, обладающему невероятной силой, и сам принцип аллегорического олицетворения, знаковый для поэта «при изображении русской мощи» [Киселева, Поташова, 2022а: 96]. Лермонтов уже в своем раннем неоконченном историческом романе «Вадим» дает примечательную характеристику русскому народу: «этот сторукий исполин»⁵. Примечательно, что чуть позже Н. В. Гоголь, возможно, под влиянием лермонтовского стихотворения «Бородино» (1837), связанного с изображением духовной мощи русского народа, сила которого подчиняется только «Господней воле»⁶, напишет в «Мертвых душах» (1842): «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?»⁷.

⁵ Лермонтов М. Ю. Вадим // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6: Проза, письма. С. 81.

⁶ Лермонтов М. Ю. Бородино («Скажи-ка, дядя, ведь не даром...») // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л., 1954. Т. 2: Стихотворения. 1832–1841. С. 80.

⁷ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Мертвые души. Том первый. С. 221.

Внимание Лермонтова к народному стилю и былинным мотивам отвечало характерному для русской культуры рубежа XVIII–XIX вв. «активному освоению и усвоению в русской литературе былинных сюжетов, героев, тем, топики, формул и концептов», о чем свидетельствуют «рукописные и печатные публикации записей былин XVIII века» [Захарова, 2015b: 93]. К народной традиции с целью выразить свое понимание русского характера и национального образа мира обращались Г. Р. Державин («Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях» (1804) и др.), В. А. Жуковский («Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины» (1806) и др.), В. И. Даль («Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» (1836) и др.) и другие современники Лермонтова. Интерес к народному эпосу, в котором «наиболее важным, решающим признаком» является *«героический характер его содержания»* [Пропп: 5], способствовал поэтизации и героизации русской истории, сохраняя при этом свойственную былинам и историческим песням «установку на достоверность, реальность» [Захарова, 2015a: 147]. Эта достоверность проявлялась не только в том, что сказитель, или автор, трактовал событие как реальное прошлое, но и в том, что оно становилось мерой истины.

История в художественной системе Лермонтова практически всегда сопрягалась с народной поэтической традицией, что проявилось как со стороны использования фольклорных формул, так и на содержательном уровне. Фольклорный сюжет в лермонтовской заметке «У России нет прошедшего...» также открывается фразой, задающей народный стиль: «сказывается сказка». Однако в данном контексте эта фольклорная формула не только выступает в функции традиционного запева («скоро сказка сказывается»), предваряющего дальнейшее повествование, но является примером использования Лермонтовым устойчивого словосочетания из древнерусского исторического повествования. Выражение «сказывается сказка» использовалось, как указывает В. И. Даль, в древнерусских грамотах и приказах в значении «толкованье, объяснение, речь, ответ»: «В 1672 году, янв. 15, была сказана у посольского

приказа сказка о поражении Стеньки Разина»⁸; «180 года Генваря въ 15 день, такова сказка сказана у Посольскаго приказа»⁹. Следующая часть представляет собой собственно повествование, основу которого составляет фольклорный сюжет:

«Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ 20 лѣтъ и спалъ крепко но на 21 году проснулся отъ тяжелаго сна. и всталъ и пошелъ и встрѣтилъ онъ тридцать семь Королей и 70 богатырей».

Эта часть заканчивается типичным фольклорным исходом: «и побилъ ихъ и сѣлъ надъ ними царствовать» (л. 7 об.). Центральная часть наброска представляет собой синтез сказочного начала с традициями русского героического эпоса (былины и исторической песни).

Нами уже были указаны возможные источники лермонтовского сюжета об Еруслане Лазаревиче, к которым относятся «Приключения собственные богатыря Булата», «Приключения богатыря Сидона»¹⁰, «Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем»¹¹ (см.: [Киселева, Поташова, 2022b: 277–278]). Также можно добавить в качестве возможного вдохновляющего поэта материала известное с XVII в. «Сказание и похождение о храбрости, о младости, и до старости его бытия, младого юноши и прекрасного русского богатыря, зело послушати дивно, Еруслана Лазаревича», которое было популярно на рубеже XVIII–XIX вв. и не раз издавалось (1797, 1817). Сам образ Еруслана Лазаревича утвердился в литературе как символ отважного воина-витязя, чем и было обусловлено адаптированное именование главного героя

⁸ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998. Т. 4. С. 190.

⁹ Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Т. 1. С 1649 по 1675. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. В. Канцелярии, 1830. С. 867.

¹⁰ Левшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения: в 10 ч. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1783. Ч. 9. 331 с.

¹¹ Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване, крестьянском сыне и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем. СПб.: Тип. Богдановича, 1788. 16 с.

поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Однако во всех этих вариантах отсутствует указание на Еруслана в образе сидня. Нет такого образа и в наиболее популярном в народе и, очевидно, известном Лермонтову варианте «Сказания о Еруслане Лазаревиче» по списку М. П. Погодина (1773). Мотив обретения чудесной силы немощным человеком отсутствовал и в известных во времена Лермонтова сказках народов Кавказа и Средней Азии об Еруслане Лазаревиче. Напротив, в сюжете об освобождении Ерусланом персидского шаха Киркоуса из темницы указывается, что герой с детства обладал небывалой физической мощью («А как Уруслан будет двенадцети лет, ино никаков конь поднять ево не может»¹²). В то же время восточная редакция сказки об Еруслане Лазаревиче примечательна в связи с размышлениями Лермонтова о Кавказе. В ней есть примечательная сцена, в которой герой будит ото сна русского богатыря Ивана, вступает с ним в поединок, но в кульминационный момент боя не решается забрать жизнь у богатыря, напротив, братается с ним. Притом, заявляя о братских чувствах и выказывая чувство товарищества, признает его право быть старшим: «Ударил ему ниско челом, а сам ему молвит: Буди, господине, мне княз Иван болшей брат»¹³.

Стоит отметить, что и в заметке Лермонтова, и в богатырских сказках богатырь сражается с другими богатырями, которые представляют силу извне, то есть богатырь — это не исключительный, наделенный силой божественного происхождения воин-носитель христианской добродетели, как то представляется в канонических былинах («Ваша силушка буде от Бога»¹⁴), а обобщенный образ, именование воинов-силачей, которых «побил», то есть победил Еруслан Лазаревич. В литературной традиции первой половины XIX в. в подобном значении слово богатырь можно встретить не раз (напр., у Пушкина: «Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа

¹² Повесть о Еруслане Лазаревиче. Рукопись. [Б. м.], 1759. 14 л. // ОР РГБ. Ф. 310. № 931. Л. 3 об.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Про Царя Ивана Васильевича // Русские народные былины и песни, собранные П. В. Шейном. М.: Унив. тип., 1859. С. 9.

держится»¹⁵ («Капитанская дочка»), «Вы грозны на словах — попробуйте на деле! / Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измайльский штык?»¹⁶ («Клеветникам России»)).

Наряду с сильными воинами, вражескую сторону представляют «тридцать семь королей». В XIX в. слово король было нейтральным обозначением «государя, управляющего королевством»¹⁷. У Лермонтова употребление слова король ближе к его древнерусскому и фольклорному использованию: короли в военных повествованиях и героическом эпосе являются типичными героями-противниками. В древнерусском повествовании королем также называется иноземный правитель, с которым могут воевать («Рано король оудара оу бубнь и тако исполца полкъ своа»¹⁸) или строить дипломатические отношения («то же верема король присла къ Изаславу»¹⁹). Независимо от места своего правления королем называется Батый в исторической песне «Авдогья-Рязаночка» («Славные старые король Бахмет турецкие»²⁰), литовский князь Стефан Баторий в песне «Осада Пскова» («Король с королевичем / С паном-Гетманом Хотеновичем / Не отдам я тебе города без бою»²¹; «Сходилися два война два великие / Белого царя с королевскими»²²), поляк Сигизмунд III в песне «Оборона Смоленска» («Наступает король литовский, / Наступает-то на

¹⁵ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. С. 349.

¹⁶ Пушкин А. С. Клеветникам России // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 3. Кн. 1: Стихотворения, 1826–1836. Сказки. С. 270.

¹⁷ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. С. 168.

¹⁸ Полное собрание русских летописей. Изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 447.

¹⁹ Там же. С. 308.

²⁰ Исторические песни. Л.: Сов. писатель, 1956. С. 79. (Сер.: Библиотека поэта.)

²¹ Там же. С. 112–113.

²² Там же. С. 114.

город на Смоленск»²³), шведский король Густав Первый («А черный ворон — то шведский король»²⁴).

Следуя фольклорной традиции изображения врага многочисленным, Лермонтов исчисляет: против одного Еруслана Лазаревича оказывается тридцать семь королей и семьдесят богатырей. Акцентом на числовое выражение врага поэт подчеркивает непобедимость и сверхъестественную силу богатыря, продиктованную необходимостью защиты родины, долга по отношению к ней как высшего состояния человеческого духа. Духовная мощь Еруслана Лазаревича проявляется и в заключительной фразе, обозначающей значимый поворот в истории: «сѣлъ надъ ними царствовать» (л. 7 об.).

Помимо сказочных и былинных сюжетов, истоки лермонтовской заметки могут корениться и в цикле исторических песен о взятии Казани и древнерусской повести XVI в. «Казанская история». В пользу знакомства Лермонтова с «Казанской историей» говорит и сам факт создания им «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Исследователи отмечали, что Лермонтов представляет героев поэмы не «в духе концепции Карамзина», а «противопоставляет этому пониманию народную точку зрения» [Азадовский: 257]. Обращение к историческим песням о взятии Казани и к «Казанской истории» помогает уточнить истоки стилизованных особенностей заметки «У России нет прошедшего...», в основе синтаксического построения которой лежит принцип перечисления действий персонажей. Сами номинации этих действий у Лермонтова повторяют череду событий и их результат в «Казанской истории»: «сташа во вратѣх града и у полых мѣсть, и сняшася с русью и с татары»²⁵, «и поиде с ними, прииде с честью в Казань»²⁶ (у Лермонтова — «и встал и пошел и встретил»), «и побиша ихъ 17 000, а 2000 взяша в плѣнь»²⁷, «И сѣдъ на велицем царствии державы»²⁸

²³ Исторические песни. С. 176.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ Казанская история / подгот. текста и перевод Т. Ф. Волковой, коммент. Т. Ф. Волковой и И. А. Лобаковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. X: Литература XVI века. С. 462.

²⁶ Там же. С. 330.

²⁷ Там же. С. 334.

²⁸ Там же. С. 310.

(у Лермонтова — «и побил их и сел над ними царствовать»). Построение предложения у Лермонтова приближено к древнерусскому повествованию, для которого ведущими были объемные конструкции «из объединяемых в сложное простых предложений» с союзом «и» [Иванов: 387]. Союз «и» в таком случае скрепляет череду предложений, организованных в повествование «по принципу грамматически однородного низывания предложений на однородную нить» [Ломтев: 70]. Аналогичное построение имеет и набросок Лермонтова: весь ряд действий Еруслана Лазаревича дается в одном сложном предложении. Каждое действие и его обстоятельства могли бы составить самостоятельное предложение, соединение же этих конструкций посредством союза «и» делает ряд простых предложений частями одного сложного, при этом все действия показывают, что происходило, когда богатырь проснулся и стал совершать деяния «как ратного, так и духовного, в его противопоставлении противнику» [Захарова, 2018: 149], значения. Построенная на аллегории пробуждения от сна и собирании могучей силы лермонтовская заметка повторяет фольклорные образы из исторических песен о Казанском царстве, в которых подобные «имперские гиперболы» [Котельников: 69] являются ведущими художественными средствами реализации военно-патриотической темы. В исторических песнях с этим сюжетом, бытовавших в среде терского казачества, используется яркий метафоричный образ о необыкновенной силе самого царя Иоанна Васильевича. Эта сила предстает либо обобщенно как сила самого правителя («А из сильного Московского царства / Подымался великий князь московски<й>, / А Иван-сударь Васильевич прозритель»²⁹), или же показывается процесс ее накопления и приумножения («Как он, Грозен царь Иван Васильевич, / Скоплял силушку ровно тридцать лет, / Ровно тридцать лет, еще три года; / Скоплёмши свою силушку, воевать пошел / Он под славное царство Казанское...»³⁰). Обращение Лермонтова к этому историческому событию обусловлено значением победы над Казанским ханством для развития древнерусского государства:

²⁹ Русская историческая песня. С. 57.

³⁰ Там же. С. 356.

взятие Казани окончательно освободило Россию от татаро-монгольской зависимости и позволило ей укрепить свои восточные рубежи.

Примечательно, что «Казанская история» на протяжении всего XVIII в. бытовала в многочисленных списках. В конце XVIII — первой трети XIX в. сложилась литературная традиция соотнесения победы русских над Казанским ханством с современными историческими событиями: победой над Наполеоном, Русско-турецкой войной, присоединением Крымского ханства к Российской империи. В этом ключе примечательны стихи из эпической поэмы М. М. Хераскова «Россиада», воспевающие «победу целого Российского государства» [Завьялова: 138]; а в его «Историческом предисловии» к «Взгляду на эпические поэмы» «время правления Иоанна Грозного осмысляется как момент исторической бифуркации» [Бреева: 70]. Особенно интересен в связи с заметкой Лермонтова «У России нет прошедшего...» созданный М. М. Херасковым в поэме «Россиада» образ царя Иоанна Васильевича, «объятого сном» («Где смутным Иоанн лежал объятый сном...»³¹) и не думающего о походе на Казань («Ты спишь, беспечный царь, покоем услажденный, / Весельем упоен, к победам в свет рожденный...»³²); когда угроза со стороны казанцев возрастает, царь поднимает силы, результатом становится значимая победа («Иоанн вновь царство приобрел»; «Подъемлет высоко Москва верхи златые, / И храмы пением наполнились святые; / Любовью видит царь возженные сердца, / Зрит в подданных детей, они в царе — отца...»³³). Примечательны и объяснения самого Хераскова в связи с его обращением к теме Казанского царства, отвечающие в полной мере и лермонтовскому замыслу:

«Воспевая разрушение Казанского царства <...>, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие <...> целому отечеству...»³⁴.

³¹ Херасков М. М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1961. С. 187.

³² Там же.

³³ Там же. С. 195.

³⁴ Там же. С. 178.

Подобную параллель видим и у Г. Р. Державина в своеобразном предисловии к своему оперному либретто «Грозный, или Покорение Казани», где он пишет, что Казань уподобляется Парижу, а Александр I — Иоанну IV:

«Содержаніе ея я взялъ изъ казанской исторіи и тамошняго края татарскаго баснословія. Къ нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ мнѣ показалось оное прилично»³⁵.

То есть «сюжет оперы, написанной в год победы над наполеоновской Францией, представлен в ракурсе исторической ретроспекции» [Ларкович: 48]. Такой мыслительный опыт исторической ретроспекции естественен и для Лермонтова, так что рассмотрение подобного контекста заметки «У России нет прошедшего...» и представленная его интерпретация находятся вполне в задаваемом текстом «спектре адекватности» [Есаулов: 8].

Лермонтовская заметка может продолжить перечень произведений, указывающих на героическое прошлое России и историческую жизнь настоящего, но уже в контексте Кавказских военных событий. Как и Казань, Кавказ исторически находился в геополитическом пространстве соперничества России и Турции, на которое накладываются и проблемы религиозного доминирования в государственном модусе. Как Казанский поход, так и Кавказская война исторически являются частью восточной политики Российского государства и собственно частью политики укрепления Российской державы в целом. Как пушкинская «Полтава», выразившая «все-российскую историческую мысль» [Гулин: 4], может быть вызвана событиями Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. («поэт дает зарисовку портрета героя Кавказской войны Ермолова <...> вверху 23-го листа тетради с черновиками "Полтавы"» [Керцелли: 140], в той же тетради изображает себя в образе турецкого всадника), так и лермонтовская заметка об Еруслане Лазаревиче имеет ассоциативно-смысловую общность с историей взятия Казани и Кавказской войной, современным поэту историческим событием, вокруг которого оформляются художественные образы.

³⁵ Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. / под ред. Я. К. Грота. СПб.: Имп. Акад. наук, 1867. Т. 4. С. 582.

Позже Ф. М. Достоевский в своих немногих стихотворениях 1854–1856 гг., связанных с Крымской войной, также будет использовать «принцип уподобления: современные политические испытания уподоблены войне 1812 года, испытания России — страданиям Христа, Церковь — телу Христову, вдовствующая императрица-мать — Богоматери, вступающий на престол царь — Петру I» [Захаров: 53]. Историческая тематика в ее философском измерении начинает особенно интересовать Достоевского именно в эпоху его духовных поисков, уже обретших опору в христианском мировоззрении, после того, как «он узнал народ и сам, по его словам, стал народом» [Захаров: 53]. Принцип уподобления, являясь ведущим в христианской экзегезе и будучи одним из основных признаков религиозного сознания, которым является и русское народное сознание, опирается на известное высказывание Христа: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17). Противостояние России внешнему врагу и ее победы мыслились народным сознанием как духовная необходимость, связанная с жертвенным уподоблением Самому Христу, Царское достоинство Которого запечатлено и в следующем Его призыве: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:28–30). Подытоживая свою заметку словами об Еруслане Лазаревиче, который «сѣлъ надъ ними царствовать» (л. 7 об.), Лермонтов актуализирует и эти смыслы, в зримом выражении связанные с победой России в противостоянии с Турцией, интересы которой были в зоне русско-кавказских отношений лермонтовского времени. Присоединение Кавказа, освоение русскими Востока мыслилось в народном сознании как приближение к духовному освобождению Царьграда. Позже об этом скажет и Ф. М. Достоевский: «Константинополь есть центр восточного мира, а духовный центр восточного мира и глава его есть Россия»³⁶.

³⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 18. С. 274.

Заметка Лермонтова «У России нет прошедшего...», несмотря на свой эскизный характер, является особо значимой для понимания лермонтовской историософии и определена реакцией поэта на современные ему события, знанием российской истории, художественно выраженной им и в иных его историко-поэтических произведениях. В заметке отразилось чтение поэтом как собственно исторических, историко-художественных, публицистических трудов его современников (см.: [Киселева, Поташова, 2022b]), осмысление публикуемых в его время древнерусских текстов, обработок фольклора, так и опыт личных встреч с представителями терского казачества и коренных народов Кавказа — носителями традиций устной культуры. В сознании Лермонтова традиции фольклора и древнерусской литературы, выступающей «союзницей российской государственности» [Виноградов: 47], тесно переплетены и связаны с имперской идеей. Поэт смотрит на историю России в ее прошлом, настоящем и будущем глазами своего народа, его личное и национальное (народное) сознание предстают в данном тексте единым целым. Как в стихотворении «Бородино» поэт показывает битву глазами простого человека, участника событий и выразителя национального самосознания, а главным героем «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» оказывается человек из народа — купец Калашников, стоящий «за святую правду-матушку»³⁷, так и в этой аллегорической заметке поэт говорит языком, стилем и образами народной национальной поэтической стихии, является выразителем национальной идеи духовного избранничества Российского государства, его подвижнического богатырского потенциала. Обращение Лермонтова к народному сюжету определялось его внутренней потребностью найти опору своего видения российской государственности и объяснение настоящего и будущего России в толще народного сознания, выкристаллизованного в героическом народном эпосе.

³⁷ Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л., 1955. Т. 4: Поэмы, 1835–1841. С. 110.

Список литературы

1. Азадовский М. Фольклоризм Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 227–262. (Сер.: Литературное наследство; т. 43/44.)
2. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4: Статьи и рецензии. 1840–1841. С. 479–547.
3. Бреева Т. Н. Сюжет «Взятие Казани» в структуре национального мифа России (на материале русской литературы конца XVIII — начала XIX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2013. Т. 155. Кн. 2. С. 69–79.
4. Виноградов И. А. «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 34–103 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusclassika.ru/index.php/ru/nomera-zhurnal/52-2019-tom-1-1/521-kogda-v-tovarishchakh-soglasya-net-a-s-pushkin-n-v-gogol-s-s-uvarov> (25.11.2022). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103.
5. Владимиров П. Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова // Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. Киев, 1892. Кн. VI. С. 198–230.
6. Гулин А. В. «Он весь, как Божия гроза»: Пётр Первый в поэме А. С. Пушкина «Полтава» // Литература в школе. 2018. № 3. С. 2–7.
7. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н. В. Гоголя. М.: РГГУ, 1995. 100 с.
8. Завьялова А. И. Иван Грозный в творчестве русских писателей второй половины XVIII — начала XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 136–145 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2018/tom-50/zavyalova> (25.11.2022).
9. Захаров В. Н. Достоевский как обозреватель мировой политики // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4. № 3. С. 50–63 [Электронный ресурс]. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/13025> (25.11.2022). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63
10. Захарова О. В. Былина как литературный жанр (к постановке проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 146–160 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449754679.pdf (25.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3422 (a)
11. Захарова О. В. Жанровые трансформации былины в русской литературе XVIII века (сюжет «Илья Муромец и Соловей-Разбойник») // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 87–97 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449749442.pdf (25.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3342 (b)
12. Захарова О. В. Трансформация жанра былины в русской литературе XVIII–XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 146–157 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2018/tom-50/zaxarova> (25.11.2022).

13. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 405 с.
14. Керцелли Л. Ф. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Моск. рабочий, 1988. 427 с.
15. Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 87–100 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663004883.pdf (25.11.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242 (a)
16. Киселева И. А., Поташова К. А. набросок Лермонтова «У России нет прошедшего...» в контексте «восточного вопроса»: к проблеме художественной историософии поэта // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 265–283 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3766> (25.11.2022). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283 (b)
17. Котельников В. А. Государственническая и геополитическая мысль в русской литературе и публицистике XI–XIX веков // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.: тезисы докладов междунар. науч. конф. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2020. С. 67–69.
18. Ларкович Д. В. «Грозный, или Покорение Казани» Г. Р. Державина и становление жанра героической оперы в русской культуре начала XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2012. № 1. С. 43–49.
19. Ломтев Т. П. Из истории синтаксиса русского языка. М.: Учпедгиз, 1954. 78 с.
20. Мендельсон Н. М. Народные мотивы в поэзии Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: юбилейный сборник. М.; Пг.: Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 165–195.
21. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
22. Штокмар М. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 263–352. (Сер.: Литературное наследство; т. 43/44.)
23. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 3–82. (Сер.: Литературное наследство; т. 43/44.)

References

1. Azadovsky M. Lermontov's Folklorism. In: *M. Yu. Lermontov*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, book 1, pp. 227–262. (Ser.: Literary Heritage; vol. 43/44.) (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. M. Lermontov's Poems. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954, vol. 4, pp. 479–547. (In Russ.)

3. Breeva T. N. The Subject of the Capture of Kazan in the Structure of the National Myth of Russia (Based on Russian Literature of the Late 18th — Early 19th Centuries). In: *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]*, 2013, vol. 155, book 2, pp. 69–79. (In Russ.)
4. Vinogradov I. A. “When There Is No Agreement Between Friends” A. S. Pushkin, N. V. Gogol, S. S. Uvarov. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of Russian Classics]*, 2019, vol. 1, no. 1, pp. 34–103. Available at: <http://www.rusklassika.ru/index.php/ru/nomera-zhurnala/52-2019-tom-1-1/521-kogda-v-tovarishchakh-soglasya-net-a-s-pushkin-n-v-gogol-s-s-uvarov> (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103. (In Russ.)
5. Vladimirov P. Historical and Folk-Everyday Subjects in the Poetry of M. Yu. Lermontov. In: *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora-Letopistsa [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]*. Kiev, 1892, book 6, pp. 204–205. (In Russ.)
6. Gulin A. V. “He’s Like a God’s Storm” Peter the Great in the A. S. Pushkin’s Poem “Poltava”. In: *Literatura v shkole [Literature at School]*, 2018, no. 3, pp. 2–7. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya: “Mirgorod” N. V. Gogolya [The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work: N. V. Gogol’s “Myrgorod”]*. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 100 p. (In Russ.)
8. Zav’yalova A. I. Ivan the Terrible in the Works of Russian Writers of the Second Half of the 18th Century and the Beginning of the 19th Century. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 2018, vol. 50, pp. 136–145. Available at: <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2018/tom-50/zavyalova> (accessed on November 25, 2022). (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Dostoevsky as a Columnist of Foreign Policy. In: *Filosoficheskie pis’ma. Russko-evropeyskiy dialog [Philosophical Letters. Russian and European Dialogue]*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 50–63. Available at: <https://phillet.hse.ru/article/view/13025> (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-3-50-63 (In Russ.)
10. Zakharova O. V. Bylina as a Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2015, no. 13, pp. 146–160. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449754679.pdf (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3422 (In Russ.) (a)
11. Zakharova O. V. Transformations of the Genre of Bylina in the Russian Literature of the 18th Century (the Plot of “Ilya Muromets and Nightingale the Robber”). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2015, no. 13, pp. 87–97. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449749442.pdf (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3342 (In Russ.) (b)
12. Zakharova O. V. Transformations of Bylina’s (Epic Poem) Genre in the Russian Literature of the 18th–19th Centuries. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 2018, vol. 50, pp. 146–157. Available at:

- <http://vestnik-sk.ru/russian/archive/2018/tom-50/zaxarova> (accessed on November 25, 2022). (In Russ.)
13. Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [*Historical Grammar of the Russian Language*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 405 p. (In Russ.)
 14. Kertseli L. F. *Mir Pushkina v ego risunkakh* [*Pushkin's World in His Drawings*]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1988. 427 p. (In Russ.)
 15. Kiseleva I. A., Potashova K. A. The Origins and Figurative Embodiment of the Mikhail Lermontov's Imperial Consciousness. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 87–100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1663004883.pdf (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242 (In Russ.) (a)
 16. Kiseleva I. A., Potashova K. A. Lermontov's Sketch "Russia Has No Past..." in Context of "Eastern Question": to Problem of Poet's Artistic Historiosophy. In: *Nauchnyy dialog* [*Scientific Dialogue*], 2022, vol. 11, no 3, pp. 265–283. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3766> (accessed on November 25, 2022). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-265-283. (In Russ.) (b)
 17. Kotel'nikov V. A. Statesman and Geopolitical Thought in Russian Literature and Journalism of the 11th–19th Centuries. In: *Russkaya literatura i natsional'naya gosudarstvennost' XVIII–XIX vv.: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Russian Literature and National Statehood in the 18th–19th Centuries: Abstracts of the International Scientific Conference*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, pp. 67–69. (In Russ.)
 18. Larkovich D. V. Ivan the Terrible or Kazan's Conquest by G. R. Derzhavin and Heroic Opera Genre's Formation in Russian Culture of the Beginning of the Nineteenth Century. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [*RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*], 2012, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.)
 19. Lomtev T. P. *Iz istorii sintaksisa russkogo yazyka* [*From the History of the Syntax of the Russian Language*]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1954. 78 p. (In Russ.)
 20. Mendel'son N. M. Folk Motifs in Lermontov's Poetry. In: *Venok M. Yu. Lermontovu: yubileynyy sbornik* [*Wreath to M. Yu. Lermontov: Jubilee Collection*]. Moscow, Petrograd, Izdanie tovarishchestva "V. V. Dumnov, nasledniki brat'ev Salaevykh", 1914. pp. 165–195. (In Russ.)
 21. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [*Russian Heroic Epic*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 603 p. (In Russ.)
 22. Shtokmar M. Folk Poetic Traditions in the Works of Lermontov. In: *M. Yu. Lermontov*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, book 1, pp. 263–352. (Ser.: Literary Heritage; vol. 43/44.) (In Russ.)
 23. Eykhenbaum B. M. Lermontov's Literary Position. In: *M. Yu. Lermontov*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1941, book 1, pp. 3–82. (Ser.: Literary Heritage; vol. 43/44.) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Киселева Ирина Александровна, Irina A. Kiseleva, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы, Московский государственный областной педагогический университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>; e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru.

Поташова Ксения Алексеевна, Ksenia A. Potashova, PhD (Philology), кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной педагогический университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>; e-mail: ka.potashova@mgou.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.12.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.01.2023

Принята к публикации / Accepted 29.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023